

- ³¹ Брикнер А. Г. Вопросы самообразования. С. 160.
³² Там же. С. 161.
³³ Брикнер А. Г. Об учебных пособиях при изучении истории России // ЖМНП. 1876. № 7. С. 6.
³⁴ Цветаев Д. В. Александр Густавович Брикнер // Русское обозрение. 1896. № 12. С. 846.
³⁵ См.: Александр Густавович Брикнер // Вестник Европы. 1896. № 12. С. 901.
³⁶ Цветаев Д. В. Указ. соч. С. 849.
³⁷ См.: Dr. Karl von Weber. Von Geheimen Rath von Wibleben, Director der Königl. Sächs. Haupt-Staats-Archiv // Archiv für die Sächsische Geschichte. 1880. Bd. 6. S. 356.
³⁸ Старейшее учебное заведение города, основано в 1543 г.
³⁹ Hassel P. Weber, Karl von // Allgemeine Deutsche Biographie. Leipzig, 1896. Bd. 41. S. 346.
⁴⁰ См.: Weber K. von. Maria Antonia Walpurgis, Kurfürstin zu Sachsen. Dresden, 1857; Weber K. von. Moritz, Graf von Sachsen, Marschall von Frankreich. Dresden, 1863 и др.
⁴¹ Hassel P. Op. cit. S. 348.
⁴² Ibid. S. 347.
⁴³ См.: Weber K. von. Das Haupt-Staatsarchiv zu Dresden // Archiv für die Sächsische Geschichte. 1864. Bd. 2. S. 23.
⁴⁴ Vorwort // Ibid. 1863. Bd. 1. S. VIII.
⁴⁵ Ibid. S. X.
⁴⁶ См.: Weber K. von. Die Besuche Peters des Grossen in Dresden // Ibid. 1873. Bd. 11. S. 337–350.
⁴⁷ Миллюков П. Н. Очерки по истории русской культуры. Ч. 3. Национализм и общественное мнение. Вып. 1. СПб., 1901. С. 155.
⁴⁸ Подробнее см.: Штейнфельдер К. Крепость Кенигштейн. URL: <http://spp.lfond.spb.ru/europe/memorials/159> (дата обращения: 04.03.2013).
⁴⁹ См.: Брикнер А. Г. Петр Великий в Дрездене в 1698, 1711 и 1712 гг. // Русская старина. 1874. Т. 11. С. 727–734.
⁵⁰ См.: Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великого : в 6 т. СПб., 1858. Т. 3. С. 589–620.
⁵¹ См.: Weber K. von. Die Besuche Peters des Grossen in Dresden. S. 338.
⁵² Цветаев Д. В. Указ. соч. С. 853.
⁵³ См.: Брикнер А. Г. Путешествия Петра Великого за границу в 1711 до 1717 // Русский вестник. 1880. № 11. С. 12.
⁵⁴ Кавелин К. Д. Мысли и заметки о русской истории // Собрание сочинений К. Д. Кавелина : в 4 т. СПб., 1897. Т. 1. С. 586.

УДК 9(470)«18»+929 Мещерский

«РОССИЯ ПОД ПЕРОМ ЗАМЕЧАТЕЛЬНОГО ЧЕЛОВЕКА»: ПИСЬМА В. П. МЕЩЕРСКОГО ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ ИЗ СЛУЖЕБНЫХ КОМАНДИРОВОК ПО РОССИИ

О. В. Кочукова

Саратовский государственный университет
E-mail: kochukovasgu@mail.ru

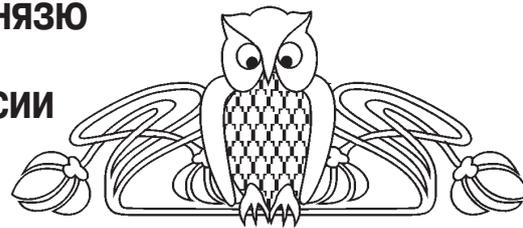
В статье анализируется описание служебных командировок по России В. П. Мещерского (1867–1868 гг.), которое содержится в его письмах к великому князю Александру Александровичу. Исследование выявляет возможности использования данного исторического источника для изучения общественно-политической роли российских травелогов, созданных идеологами русского консерватизма. Автор делает вывод о том, что травелог, адресованный наследнику престола, был использован В. П. Мещерским в качестве одного из средств формирования программы будущего царствования, призванного скорректировать недостатки либеральных преобразований 60-х гг. XIX в.

Ключевые слова: травелог, консервативное движение в России, либеральные реформы 60-х гг. XIX в., публицистика, Российская империя, В. П. Мещерский, великий князь Александр Александрович.

**«Russia from the Pen of a Remarkable Man»:
V. P. Meshchersky's Letters to the Grand Prince Alexander
Alexandrovich from the Business Trips in Russia**

О. V. Kochukova

The description of V. P. Meshchersky's business trips in Russia (1867–1868) contained in his letters to the Grand Prince Alexander

Alexandrovich is analyzed in the article. The research reveals the possibility of using this historical source on the study of the social and political role of the Russian travelogues created by the Russian conservatism ideologists. The author concludes that the travelogue, addressed to the heir to the throne, was used by V. P. Meshchersky as a means of the formation program of the future reign to correct the shortcomings of liberal reforms in 60s of the 19th century.

Key words: travelogues, conservative movement in Russia, liberal reforms in 60s of the 19th century, publicism, Russian Empire, V. P. Meshchersky, Grand Prince Alexander Alexandrovich.

В современной российской историографии не ослабевает интереса к личностям, взглядам и деятельности лидеров общественного движения в России XIX в. Частью этого процесса является публикация принадлежащих им сочинений, мемуаров и переписки. К числу имеющих важное историографическое значение публикаций такого рода с полным правом следует отнести недавно вышедшее в свет издание писем известного консервативного публициста и общественного деятеля В. П. Мещерского к великому князю Александру Александровичу, подготовленное к

печати Н. В. Черниковой¹. Письма охватывают хронологический период 1863–1868 гг. и содержат сведения о придворном окружении наследника престола (впоследствии императора Александра III), обстоятельствах общественно-политической жизни, о личностях автора писем и его адресата, но, пожалуй, самый значительный по объему и содержательный по представленной исторической информации «сюжет» переписки составляет российский травелог князя Мещерского – описание его поездок по России в 1867–1868 гг.

Молодой князь Мещерский с 1862 г. был чиновником особых поручений для командировок по России, служившим в министерстве внутренних дел под руководством П. А. Валуева. Начало служебных командировок по времени совпало со знакомством с великими князьями Николаем Александровичем и Александром Александровичем. Но наиболее дружеские отношения установились с Александром Александровичем, ставшим после смерти старшего брата в 1865 г. наследником престола. Мещерский в это же время сближается с преподавателями наследника престола К. П. Победоносцевым, И. К. Бабстом и С. М. Соловьевым и начинает пытаться оказывать на цесаревича «сознательное и постоянное влияние в двух сферах: формирование личности и политическое воспитание»². Одним из самых значимых инструментов «политического воспитания» наследников престола являлись их путешествия по России. Мещерскому не удалось попасть в состав свиты, сопровождавшей цесаревича, но он предпринял попытку донести до него ту информацию о России, которую, как ему представлялось, нельзя было раздобыть во время официальных и специально организованных путешествий высочайших особ. Личный опыт знакомства с жизнью российской провинции приобретал под пером Мещерского значение способа постижения современной внутренней политики и общественной жизни и именно потому предназначался для ознакомления будущему российскому императору.

Корреспонденции Мещерского «Из путешествий по России» печатались также в «Русском инвалиде», а несколько позже (в 1869–1870 гг.) вышли двумя отдельными книгами под названием «Очерки нынешней общественной жизни в России»³. Выбор литературной формы изложения в виде путевых заметок либо очерков, «писем из путешествий» был вполне традиционным для эпохи. Российский травелог князя Мещерского разделен хронологически и географически на две части. Первое путешествие состоялось в 1867 г., и его маршрут пролегал через Тверь, Владимир и Нижний Новгород. Второе путешествие 1868 г. имело целью изучение Курской, Полтавской и Харьковской губерний.

Описание путешествия В. П. Мещерского по России, несомненно, является интересным источником, достойным внимания исследователей. В

современной исторической науке изучение разнообразной литературы путешествий представляет собой достаточно перспективное направление. Существуют и обобщающие исследования, и работы методологического характера, а также публикации конкретных травелогов и опыты их научного анализа⁴. Преимущественно в центре внимания исследователей находятся путешествия русских за границу и иностранцев по России либо путешествия русских по окраинам империи. Сравнительно менее изученными остаются «внутренние» российские травелогисты, то есть путешествия русских общественных, культурных и государственных деятелей России по ее основной исторической территории.

Между тем именно этим внутренним российским травелогам принадлежит весьма значительная роль в формировании идейно-политических представлений современников, в процессе интеллектуального конструирования имперской и национальной идентичности и в осмыслении реформаторского процесса в России. По наблюдению И. П. Кулаковой, именно XIX в. стал веком путешествий россиян по России. Исследовательница отмечает, что в XVIII в. «поездки по стране были в основном связаны со служебными, хозяйственными и семейными надобностями», а в XIX в. практики путешествий россиян по России стали «способом постижения страны в пространстве и времени, или способом «конституирования национальной идентичности через образ Родины»⁵.

Российские травелогисты россиян в XIX в. создавались под влиянием идейно-политических ценностей современности и претерпели серьезную эволюцию. Культурная обособленность русского крестьянства (основного населения России) от европеизированных образованных представителей дворянства предопределила возникновение описаний собственного населения как образа «Другого». В связи с этим следует принять во внимание концепцию А. Эткинды о «российской программе внутренней колонизации». «Главные пути колонизации России были направлены не вовне, но вглубь метрополии, – пишет А. Эткинды, – Россия колонизировала саму себя, осваивала собственный народ... Миссионерство, этнография и экзотические путешествия – характерные феномены колониализма – в России были обращены внутрь собственного народа... огромная и неведомая реальность – народ был другим... Народ не мог писать по определению: тот, кто писал, переставал быть народом. Народ подлежал записи: все более точной и объемлющей регистрации своих необычных слов и дел»⁶.

Характер описаний путешествий россиян по России изменялся параллельно с преобразованием ее социального устройства в эпоху Великих реформ. Путешествия по России стали способом познания России изначально как страны, нуждающейся в реформах, а впоследствии «живающей»

ся» в них. После свершения основных либеральных реформ 1860-х гг. в сознании современников Россия из объекта применения реформаторских усилий превращалась в самостоятельный, самодостаточный и самоценный субъект исторического процесса, в связи с чем усиливалась познавательная деятельность образованного общества в отношении российской провинции. Один из самых видных идеологов реформаторского процесса К. Д. Кавелин в 1865 г. выразил это изменение в понимании его содержания в следующих словах: «Все, что до сих пор у нас делалось, было в руках правительства. Что теперь делается – этого никакого в мире правительства, будь у него семь пядей во лбу, сделать не может»⁷.

Все большее значение обретало знание страны за пределами официального Петербурга. Не случайно именно в период Великих реформ усиливается интерес к волжскому пространству Российской империи. Появляются травелоги, в которых «Волга предстает символическим воплощением России». Среди авторов волжских травелогов были В. Д. Скарятин, П. П. Нейгардт, В. И. Немирович-Данченко⁸. (Волжский травелог Скарятин явился предметом специального научного исследования, осуществленного историком общественного движения В. В. Ведерниковым⁹). Знакомство с Поволжьем стало частью «венчания с Россией» наследника престола и подробно освещалось в корреспонденциях о путешествии цесаревича Николая Александровича в 1863 г.¹⁰ Таким образом, первое путешествие Мещерского по «волжскому» маршруту также являлось весьма показательным.

Путешествия по России имели особый смысл для становления консервативной версии осмысления реформаторского процесса в России, так как они воспринимались как способ знакомства с непосредственной социальной действительностью, с самой «жизнью», противопоставленной «теории». Как известно, гносеологическая основа консервативного мировоззрения заключается в противопоставлении конкретики «живой жизни» рационализму абстрактного знания. Примером может служить следующее размышление К. П. Победоносцева: «Жизнь не наука и не философия; она живет сама по себе, живым организмом... В применении к жизни всякое положение науки и философии имеет значение вероятного предположения, гипотезы, которую необходимо всякий раз поверить здравым смыслом и искусным разумом по тем явлениям и фактам, к которым требуется приложить ее; иное применение общего начала было бы насильем и ложью в жизни»¹¹.

В связи с этим представляется важным тот факт, что российский травелог князя Мещерского моделируется, конструируется им «от противного», то есть является своего рода «обратным путешествием», направленным против некоего способа освоения пространства страны, который подразумевается в тексте и признается прин-

ципально неверным, испорченным вариантом восприятия реальности. Описание путешествия Мещерского, предстающее на страницах писем к наследнику престола, невозможно понять во всей полноте, если не принять во внимание содержание одного весьма любопытного его произведения. Это имеющий очень четкую идейно-публицистическую основу сатирический текст «Россия под пером замечательного человека», опубликованный в 1871 г. в журнале «Русский вестник»¹². Герой памфлета – собирательный персонаж, некий граф Прокопий Эссентукский, который «умел читать по-французски очень хорошо, по-немецки отлично, по-русски с грехом пополам, думать же умел только по-французски», тем не менее, «смутно подумывал о России и как будто представлял себя в довольно интимных с нею отношениях»¹³. Граф Прокопий как человек передовых взглядов откликается на все модные идеи, выставляет напоказ свою приверженность либеральным принципам, проявляет большой интерес к крестьянской и земской реформам, хотя изначально знает о деревне только то, что «живут там какие-то мужики, и мужики эти des крепостные и не совсем счастливы»¹⁴. Он совершает 17-дневное путешествие практически по маршруту А. Н. Радищева, из Петербурга в Москву, успевая бросить беглый взгляд на жизнь деревень и уездных городов. Его неприятно смущает «запах тулупа», который источает Россия, ибо «от него до Азии не далеко». В конечном счете, граф Эссентукский признает свое путешествие в сущности бесполезным: Россия ничему не научила его и научить не могла. Путешественник заявляет: «... я не испытал влияния среды, где находился. С гордостью могу сказать, что я изучал Россию, sans subir son influence. Более чем когда-либо я пришел к убеждению, что России в известном смысле нет: это ораторская фигура, к которой мы добровольно прибегаем в политике»¹⁵.

Можно предположить, что образ «графа Прокопия» имел вполне конкретные прототипы и к их числу с достаточной степенью вероятности можно отнести министра финансов М. Х. Рейтерна, который совершал поездку по России, от Одессы до Петербурга, точно в то же самое время, что и Мещерский. В письмах к великому князю Александру Александровичу Мещерский отзывался об этом официальном путешествии министра как о классической «чиновничьей экскурсии» «в обстановке обедов и спичей», резко заметив, что из всего тщательно спланированного и организованного мероприятия Рейтерн «мог усвоить только одно: еще большую веру в свою непогрешимость и презрение к этому стаду баранов, кланяющемуся ему в ноги»¹⁶. Здесь нужно вспомнить, что герой памфлета Мещерского «был в иных вопросах очень либерален и держался принципа *laissez-faire*»¹⁷, а в письмах к цесаревичу встречаются упоминания о многочисленных «фразах Рейтерна», которые являли собой «неисчерпаемый источник великих мыслей, целиком взятых из Стюарта Милля»¹⁸.

Словосочетание «замечательный человек» в контексте тревелогов Мещерского обретает два смысла. Первый – сатирический, иронический: «замечательный человек» считает себя таковым на основании полученного образования и социального статуса. Он отправляется в путешествие по России, не имея желания изучать, познавать ее внутренний быт и проблемы, не считая нужным подвергать сомнению отвлеченные экономические и политические теории на основании знакомства с социальной реальностью; взгляд на Россию сверху вниз и предпочтение, отдаваемое абстрактному знанию перед «живой жизнью» страны делает само путешествие поверхностным и бессмысленным. Для такого «замечательного человека» Россия остается объектом преобразований, но не может открыться как самодостаточная и самоценная реальность. Второй смысл выражения «замечательный человек» в логике Мещерского предполагает как бы снятие кавычек, то есть его собственный тревелог подчеркнуто противопоставлен «нежизнеспособному» туру по России: действительно «замечательный» человек отправляется в странствование по своей родной стране с целью изучать, понимать ее и учиться у нее. Поэтому чтобы стать «замечательным» путешественником, чиновник особых поручений В. П. Мещерский «инкогнито и неожиданно» посетил больницы, школы, мастерские, воспитательные дома, раскольничьи моленные избы¹⁹ и т. п., тщательно избегая «обстановки спичей и обедов». По крайней мере, именно таким образом он представлял собственный поиск источников информации о внутренней жизни России, обращаясь к великому князю Александру Александровичу («таскаясь по деревням, вываливался из саней благодаря ухабам не раз, ночевал в избах»²⁰).

В одном из писем к наследнику престола Мещерский развернуто сформулировал цель своей поездки: «Составить себе общее понятие о нынешнем политическом состоянии России, а с другой стороны, составить себе по возможности правильную программу для изучения разных сторон государственной жизни в России, и в-третьих, наконец, уяснить себе, насколько Бог дает разумения, различие во взглядах Петербурга на Россию и обратно России на Россию и на Петербург»²¹. Целью освоения пространства России является, в представлениях Мещерского, содействие преодолению главной, с его точки зрения, общественно-политической проблемы эпохи масштабного реформирования страны – «разлада жизни, который разделяет государственный мир Петербурга с государственным миром России»²². В другой формулировке эта проблема обозначена публицистом как «разлад управляющих с управляемыми». Ведущей политической задачей современности он считал «разлад этот уничтожить и постичь потребности России правдивые, а не мнимые»²³.

Таким образом, российский тревелог Мещерского начинает обретать свое политическое

значение. Он является способом проверки жизнеспособности реформаторских практик, методом поиска путей корректировки преобразований, основой для аргументированной критики издержек и системных недостатков Великих реформ. Следовательно, путевые заметки должны стать немаловажным источником для историков, изучающих становление и эволюцию политического консерватизма в пореформенной России. Весьма важно то, что взгляды «раннего» Мещерского как раз находились на той фазе, которую можно определить как стремление к пересмотру либеральных концепций. Вполне справедлив вывод Н. В. Черниковой о том, что в письмах Мещерского к цесаревичу отражены политические настроения 1860-х гг., которые «значительно отличаются от его позиции более позднего времени и ярко характеризуют ту эволюцию, которую проделало русское общественное сознание в пореформенной России»²⁴.

Много страниц описания путешествия Мещерского посвящено раскрытию различных бытовых подробностей российской повседневности, выдающих неукорененность реформ, непродуманность деталей преобразований и т. п. Мещерский акцентирует при этом несоответствие «столичного» уровня общего и в целом верного курса реформ и «провинциального» отсутствия элементарных достаточных условий для его действительной реализации: строятся железные дороги, но находятся в запустении шоссе, основываются университеты, а народ в деревнях «коснеет в невежестве», идут преобразования судебного устройства, а на местах мировым судьям негде посадить арестуемых под арест. Таким способом Мещерский подводил высокопоставленного читателя своих корреспонденций к выводу: «реформы и их благотворительные учреждения не обдумываются и не применяются в их разумной связи и последовательности; большое тело лечится снаружи, но не внутри»²⁵. Особой критике подвергались также форсированные, с точки зрения будущего видного консервативного публициста, темпы преобразований: поспешность разработки реформ исходила из предположения «будто Россия призвана умереть если не завтра, то послезавтра»²⁶.

Критика реформ со стороны Мещерского в конечном счете была обращена к неверному способу восприятия оснований реформ, идущих от абстрактных теорий в большей степени, нежели от понимания реальных потребностей страны. Так, описывая крестьянское самоуправление, он приводил конкретные примеры деятельности недобросовестных волостных старшин и делал обобщение: «составители крестьянских учреждений, созидавая весь этот мир self-governments, имели, вероятно, перед глазами не грубые массы народа, требующие над собою опеки и строгого присмотра, но каких-то идиллических граждан-пастушков со всеми добродетелями жителей

Аркадии и со всеми совершенствами цивилизации гражданина Америки или Англии; в этом существенный недостаток их работ, в принципе весьма хороших»²⁷.

Вообще, тема проверки реформаторских идей на жизнеспособность путем их погружения в непосредственную действительность «мелочей» и деталей повседневности представляла постоянный интерес для Мещерского-путешественника. В связи с этим особенно любопытен факт особого внимания, проявленного им к жизни знаменитого имения великой княгини Елены Павловны в Карловке Полтавской губернии, в котором Н. А. Милютин и К. Д. Кавелин в 1856 г. осуществили эксперимент по освобождению крестьян, имевший большое значение в эпоху подготовки крестьянской реформы. Мещерский приводил факты, свидетельствующие об экономической несостоятельности имения в начале 1860-х гг., и подробно рассказывал о необыкновенных усилиях, которые пришлось предпринять Елене Павловне совместно с управляющим имения для того, чтобы вывести его из кризиса («она как женщина умная поняла, что было бы скандально ей, столько говорившей об эмансипации, первой провозгласить ее несостоятельность для помещиков продажей имения»²⁸). Причину же создавшейся ситуации Мещерский видел в том, что изначально были недостаточно проработаны практические вопросы об использовании наемного труда после реформы и нехватке рабочих рук.

Критика либеральных реформ, подкрепленная аргументами из действительности российской провинции, вплотную подводила к главной цели письменных обращений Мещерского к наследнику престола, будущему государю, каковой, конечно же, являлась попытка политического влияния или даже скорее, политического воспитания (28-летний Мещерский был на четыре года старше Александра Александровича и считал себя его старшим товарищем). Возникал вопрос о начале формирования программного курса будущего царствования, призванного скорректировать недостатки настоящего. Мещерский занимал характерную и весьма показательную для эпохи позицию общественного деятеля, претендующего на возможность организации «проповеди у трона». Обращаясь к цесаревичу, он заявлял: «Россия нуждается в гениальном царствовании, но вспомните и верьте: только она может дать все нужное для того, чтобы царствование было гениально!»²⁹

Исходя из этого российский тревелог Мещерского должен был представлять собой определенный корпус практической информации, содействующий узнаванию России и формированию содержательной программы будущего царствования, согласованной с потребностями страны. Но путешествие по России имело и вторую немаловажную цель. Новому царствованию нужна не только программа, но и новая политическая элита. Здесь следует подчеркнуть, что содержание писем

свидетельствует о том, что критика Мещерского была направлена не только против идеологов и практиков Великих реформ, но и против грубых попыток вмешательства в политику реакционных сил, и в частности, против П. П. Шувалова, «советующего царю казни и гонящегося за воздушными тенями оппозиции и революции»³⁰. Мещерскому представлялся важной государственной задачей поиск людей, которые могли бы стать опорой будущего царствования («Где те люди, на которых Вы перед лицом России можете указать как на будущую Вашу правдивую, твердую, честную опору, в устах которых, как в светлом зеркале будут отражаться нужды народа?»³¹). Поэтому путешествие по России было способом не только познания России, но и в каком-то смысле «собрания людей». В августе 1868 г., находясь в имении Н. М. Карамзина в Курской губернии, его внук В. П. Мещерский адресовал Александру Александровичу такие строки: «Теперь я здесь зачем?.. Затем, чтобы с людьми столкнуться; а столкнуться с ними надо, чтобы в добрый час с сознанием своего убеждения сказать Петербургу и его отродью: вы лжете, когда говорите, что людей нет, они есть, их много на широкой Руси, вот они; – не быть бессильну, не быть беспомощну царствованию моего будущего Государя»³². Этим объясняется то, что в письмах к наследнику престола Мещерский не раз обращался к характеристикам действительно «замечательных людей» – земских деятелей, учителей, священников, предводителей дворянства, купцов. Более или менее подробные рассказы о них составляют весомую долю информации корреспонденций из путешествия.

Значительное внимание Мещерский уделял фактору имперского разнообразия России. Он считал, что местные различия в традициях, географических, социально-экономических условиях, человеческий фактор (разные чиновники, состав общественных деятелей и т. п.) определяли то, что в разных губерниях осуществление реформ приобретало различные параметры. В этом смысле описание путешествия Мещерского также подчеркнуто противопоставлено воображаемому тревелогу «замечательного человека» из его сатиры. «Граф Прокопий» был уверен, что в России Тобольскую губернию можно перенести в Харьковскую, а Архангельскую в Бессарабию, и при этом никто из жителей этого даже не заметил бы³³. Напротив, корреспондент великого князя Александра Александровича постоянно подчеркивал различия губерний России, начиная с их внешне узнаваемых зрительных образов и заканчивая неравномерностью в темпах и характере преобразовательных процессов. Взгляд Мещерского-путешественника отмечает контрастные образы промышленно более развитых городов Владимирской губернии, напоминающих ему «русский Манчестер», и патриархально отсталого и нецивилизованного, с «восточными» чертами, быта Рыбинска («на улицах и площадях толпятся

массы народа, кабаки, тифозные горячки, сибирская язва и падеж скота»³⁴). Он не проходит мимо культурных и бытовых различий великорусса и малоросса, попутно примечая, что в малороссийских губерниях менее распространено пьянство среди народа и благосостояние крестьян выше при том, что там внешне не так заметно расслоение («в отличие от великорусского села, где богатый крестьянин строит широкую и роскошную избу, здесь всюду тот же тип хат, белых как снег, своей наружностью, в которых живет и бедняк, и владелец двадцати пар волов и ста десятин земель»³⁵).

Среди конкретных социальных тем и проблем, занимавших В. П. Мещерского во время его поездок по России, были, прежде всего, деятельность земств и характеристики хозяйственного, общественного и культурного быта сельского и городского населения. Фактор имперской неоднородности здесь также постоянно оказывался на поверхности.

Так, много и подробно рассказывая о деятельности и проблемах только что созданных земских учреждений, Мещерский не создает единой картинки, единой схемы. Особенно важным представляется ему различие в том, что можно назвать балансом интересов сословий в составе и деятельности земских собраний различных губерний. Это проявлялось, в частности, в проблеме распределения земских повинностей и земских расходов. В письмах из Твери Мещерский подчеркивал, что в местном уездном собрании дворян втрое больше, чем купцов и, как следствие, «тверское земство очень рельефно обрисовалось в своем желании как можно более ограничить тягость повинностей для землевладельцев и как можно более в то же время наложить эту тягость на города»³⁶. Тон писем из Твери часто становится ироничным: «отчизна тринадцати посредников, признавших Положения 19 февраля 1861 года слишком стеснительными для крестьян»³⁷, не в состоянии позаботиться об уравнительности денежных раскладок между всеми сословиями! Противоположную ситуацию он увидел в Смоленской губернии: «для местных общественных деятелей крестьянин это какое-то привилегированное существо, имеющее право на всякое изъятие из закона или беззаконие в его пользу, а бедный помещик – какое-то несчастное создание, обреченное быть жертвою великих идей крестьянского блага и крестьянской полноправности»³⁸. Такое положение дел Мещерский связывал с влиянием характера управления и идей В. А. Арцимовича в бытность его смоленским губернатором, которого он считал «багрово-красным» политиком, имевшим целью «разорение помещиков и исключительную пользу одних крестьян»³⁹. Разумеется, такое суждение об Арцимовиче – следствие явно предвзятых мнений.

Земством, в котором Мещерский разглядел наиболее оптимальный вариант взаимодействия интересов сословий, было Владимирское. Путешественник заметил, что во Владимирском

земстве участие крестьянства и купечества было достаточно значительным, а главные его заботы отличались разумной прагматичностью, направленностью на улучшение народного образования и санитарной части. В целом же деятельность земств Мещерский часто подвергал критике. Он приводил факты недобросовестности в расходовании земских средств, большой проблемой считал равнодушие знати к местным общественным делам. Общая же оценка земств сводилась к тому, что преимущественно оно было значимо как «способ, развязывающий руки» одному или двум честным и активным деятелям в разных уездах: «Пока земство в своих собраниях шумит и целые часы посвящает пустым прениям, в уездных управах, прикрытое уединением и скромною безызвестностью, одно лицо, дельное и добросовестное, работает практически и в пределах возможного трудится для благосостояния народного»⁴⁰.

Именно «народное благосостояние», как не раз подчеркивал Мещерский в письмах к наследнику престола, и следует считать самой главной и благородной целью реформ. Между тем именно непосредственная реальность, увиденная глазами чиновника, «кинкогнито и неожиданно» навещающегося в различные уголки Российской империи, постоянно давала повод задуматься о причинах распространения «нищеты». «Вот эту-то великую тайну постичь, – писал он, – тайну, как узнавать, где народ бедствует и стонет, и как вовремя предупредить нищету, пытаюсь я с Божию помощью проникать, чтобы со временем плоды моего изучения принести Вам в дар»⁴¹. Среди причин, объясняющих, почему «целые деревни опустели и нищенствуют», Мещерский называл пьянство и сознательную финансовую политику «спаивания народа», участвовавшие после 1861 г. семейные разделы, недостаток образования и тяжесть платежей и податей. По данным Тверской губернии он произвел средний расчет доходов и расходов крестьянской семьи, который выглядел приблизительно следующим образом: при доходе около 50 рублей в год крестьянин платил до 14 рублей различных платежей и повинностей, но с учетом того, что ревизских душ было больше, чем наличных, сумма могла доходить до 20–25 рублей в год, и «пропивал умеренным пьянством» до 15 рублей в год⁴². Примечательно, что проблема крестьянской нищеты и «неплатежеспособности» попадала даже в поле зрения героя памфлета Мещерского, но «граф Эссентукский» полагал, что «дело не в том, как бы поменьше платить Карпу или Антону, а в том, как бы Карпа и Антона заставить непременно платить»⁴³. Если вспомнить предположение о скрытых намеках в сатире Мещерского на личность и взгляды М. Х. Рейтерна, то можно заключить, что в данном случае критике подвергалась позиция министерства финансов. (Нужно заметить, критике не вполне справедливой, так как Рейтерн в записках на имя Александра II поднимал вопрос о непосильности крестьянских

платежей⁴⁴) Мещерский считал необходимыми и безотлагательными две меры, направленные на решение проблемы: создание сельских крестьянских банков на особых финансовых условиях и повсеместное устройство школ.

Много внимания Мещерский уделял описанию жизни городов, и особенно деятельности купцов и владельцев фабрик. Он подробно рассказывал о выдающихся по уму, образованию, знанию своего дела, предприимчивости отдельных купцах и фабрикантах. Среди них, к примеру, купцы Владимирской губернии Василий Каретников, задумавшийся о социальных условиях рабочих на его предприятиях, организовавший строительство для них специальных жилых помещений, кухни, больницы, и Полушин, с энтузиазмом внедрявший технические изобретения и удивительно бескорыстно делившийся передовым опытом с другими фабрикантами⁴⁵. Но в целом они были, на взгляд Мещерского, исключением из правил, при том что купечество как таковое отличалось «грубостью первобытных нравов» и небрежением к общественной жизни. Так, описывая город Богородск, Мещерский, восхищенный «центром капиталов и фабрик», назвал его «русским Манчестером», но тут же задался вопросом: в чем «наш родной Манчестер отличается от заморского настоящего»? Ответ был на поверхности. Город расположен в 14 верстах от Москвы, а это расстояние представляет собой в плохую погоду непроходимые дороги. «Казалось бы, что стоило этим миллионерам-купцам провести 14 верст железной дороги?» – но «много пройдет времени, прежде чем общественные нужды... сольются под влиянием образования с их плотью и кровью»⁴⁶.

Нельзя не заметить парадоксальности того оптимизма в отношении общественной жизни и социального облика пореформенной России, который Мещерский желал бы не только сам испытывать, но и внушить великому князю Александру Александровичу. Он скорее относился к отдельным явлениям и личностям, нежели к системе и совокупности процессов социальной действительности или, можно сказать, к исключениям из правил. Впрочем, это не свойство мировоззрения Мещерского, а вполне естественный взгляд современника, наблюдавшего сложные процессы эпохи «вживания в реформу». Видимо, лично для Мещерского более острым был другой вопрос, о степени реального воздействия его путевых корреспонденций на наследника престола. Общий смысл российского травелога князя Мещерского был воспринят Александром Александровичем именно так, как того хотелось автору. В одном из ответных писем он признавался: «Ваше письмо последнее я читал с большим интересом, и то, что Вы говорите о наших министрах, совершенная правда. Это главный их недостаток, что они не знают нашей Матушки России. К сожалению, надо признаться, что я сам мало знаю Милую Родину, но по крайней мере стараюсь узнать и всегда счастлив, когда мне пишут или говорят о ней дельно»⁴⁷. Но

это было лишь общее суждение, которое не обязывало цесаревича к той степени ответной реакции на «проповедь у трона»⁴⁸, устроенную Мещерским, на которую тот рассчитывал. Как отмечают исследователи биографии Мещерского, к концу 1860-х гг. произошло ограничение его влияния на личность будущего императора, в чем во многом был виновен сам автор писем из служебных командировок по России. Они изобиловали излишне назойливыми нравоучениями, вызывавшими ответное раздражение. Пожалуй, самый показательный в этом отношении пассаж следующий: «Вы боитесь довериться кому бы то ни было, Вы слишком рассчитываете на собственные силы, Вы недостаточно измеряете все трудное Вашего положения и не вникаете в жизнь, окружающую Вас, которая с каждым днем становится тяжелее и сложнее по сцеплению всех событий, чрез которые проходит Россия и из которых выйти благополучно в то время, когда настанет День Вашего великого служения, Вы не будете в состоянии иначе, как опираясь на полное доверие к честным людям»⁴⁹. Впоследствии изменились и взгляды самого Мещерского, который более резко и однозначно стал оценивать либеральные реформы 1860-х гг., как и состояние общественной жизни России этого периода⁵⁰. В мемуарах, написанных на склоне жизни, о своей поездке по России в 1867–1868 гг. он упоминал вскользь, но, тем не менее, отмечал ее влияние на эволюцию своих политических убеждений («...вовсе не из предвзятых идей против либерализма, а именно вследствие моих поездок по разным уездам и губерниям России у меня восстановились первые, так сказать, зачатки недоверия к либерализму как убеждение. Оно бралось прямо из жизненных фактов»⁵¹).

Примечания

- ¹ Мещерский В. П. Письма к великому князю Александру Александровичу, 1863–1868 / сост., публ., вступ. ст. и коммент. Н. В. Черниковой. М.: Нов. лит. обозрение, 2011.
- ² Черникова Н. В. Князь В. П. Мещерский и его эпистолярное наследие // Мещерский В. П. Письма... С. 10. О биографии, взглядах и общественной деятельности В. П. Мещерского см.: *Леонов М. М.* В. П. Мещерский : русский консерватизм и правительственная политика в конце XIX – начале XX в. : дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2000 ; *Черникова Н. В.* Князь Владимир Петрович Мещерский в общественной жизни России. Последняя треть XIX – начало XX века : дис. ... канд. ист. наук. М., 2001 ; *Карцов А. С.* Русский консерватизм второй половины XIX – начала XX века (князь В. П. Мещерский). СПб., 2004.
- ³ См.: *Очерки нынешней общественной жизни в России.* Вып. 1. Письма из средних Велико-Российских губерний за 1867 год. СПб., 1868.
- ⁴ См., напр.: *Сорочан А.* Туда и обратно : новые исследования литературы путешествий и методология гуманитарной науки // Новое литературное обозре-

- ние. 2011. № 112; Тверь в записках путешественников XVI–XIX вв. / сост., вступит. ст., биограф. справки, подг. текста и коммент. Е. Г. Милюгиной, М. В. Строганова. Тверь, 2012; *Лескинен М. В.* Путешествие по родной стране: описание как способ национальной репрезентации. Финляндия и финны в изображении З. Топелиуса // *Одиссей. Человек в истории. Путешествие как историко-культурный феномен.* 2009. М., 2010.
- 5 Выступление И. П. Кулаковой с докладом «XIX век: практики путешествий россиян по России как способ постижения страны в пространстве и во времени» состоялось на международной научной конференции, посвященной XIX в. как феномену культуры. Обзор конференции см.: *Файбышенко В.* Международная конференция «Наш XIX век. Феномен культуры и историческое понятие» // *Новое литературное обозрение.* 2011. № 112.
  - 6 *Эткинд А.* Фуко и имперская Россия: дисциплинарные практики в условиях внутренней колонизации // *Мишель Фуко и Россия: сб. статей / под ред. О. Хархордина.* СПб., 2001. С. 180.
  - 7 *Кавелин К. Д.* Собр. соч.: в 4 т. Т. 2. СПб., 1898. С. 161.
  - 8 См.: *Нейгардт П. П.* Путешествие по Волге. СПб., 1862. Вып. 1–8; *Немирович-Данченко В. И.* По Волге. Очерки и впечатления летней поездки. СПб., 1877.
  - 9 См.: *Ведерников В. В.* В. Д. Скарятин: путешествие по Волге // *Из истории русской общественной мысли XVIII–XX веков: сб. науч. ст. К 70-летию проф. В. А. Китаева.* Н. Новгород, 2012.
  - 10 См.: *Победоносцев К. П., Бабст И. К.* Письма о путешествии Государя Наследника Цесаревича по России от Петербурга до Крыма. М., 1864.
  - 11 *Московский сборник / изд. К. П. Победоносцева.* 5-е изд., доп. М., 1901. С. 117.
  - 12 См.: *Мещерский В. П.* Россия под пером замечательного человека // *Русский вестник.* 1871. Т. 92. № 4.
  - 13 Там же. С. 551–552.
  - 14 Там же. С. 552.
  - 15 Там же. С. 606.
  - 16 *Мещерский В. П.* Письма... С. 563.
  - 17 *Мещерский В. П.* Россия под пером замечательного человека... С. 556.
  - 18 *Мещерский В. П.* Письма... С. 572.
  - 19 Там же. С. 223, 228, 247.
  - 20 Там же. С. 228.
  - 21 Там же. С. 354.
  - 22 Там же. С. 552.
  - 23 *Мещерский В. П.* Письма... С. 510.
  - 24 *Черникова Н. В.* Князь В. П. Мещерский и его эпистолярное наследие... С. 21–22.
  - 25 *Мещерский В. П.* Письма... С. 552.
  - 26 Там же. С. 561.
  - 27 Там же. С. 557.
  - 28 Там же. С. 574–575, 577.
  - 29 Там же. С. 600–601.
  - 30 Там же. С. 361.
  - 31 Там же. С. 212.
  - 32 Там же. С. 509.
  - 33 *Мещерский В. П.* Россия под пером замечательного человека... С. 608.
  - 34 *Мещерский В. П.* Письма... С. 325–326.
  - 35 Там же. С. 536–537.
  - 36 Там же. С. 239.
  - 37 Там же.
  - 38 Там же. С. 343.
  - 39 Там же.
  - 40 Там же. С. 376.
  - 41 Там же. С. 214.
  - 42 Там же. С. 225–226.
  - 43 *Мещерский В. П.* Россия под пером замечательного человека... С. 565.
  - 44 См., напр.: *Захарова Л. Г.* Александр II и отмена крепостного права в России. М., 2011. С. 673–674.
  - 45 См.: *Мещерский В. П.* Письма... С. 314–315.
  - 46 Там же. С. 281.
  - 47 *Мещерский В. П.* Письма к великому князю Александру Александровичу... Примечания. С. 671.
  - 48 Термин, употребляемый историком С. С. Секиринским. См.: *Секиринский С. С., Шелохаев В. В.* Либерализм в России. Очерки истории (середина XIX– начало XX века). М., 1995. С. 92; см. также: *Кочукова О. В.* «Проповедь у трона»: программа и практика диалога «просвещенного меньшинства» с властью в 50-е гг. XIX в. (на примере взглядов и деятельности К. Д. Кавелина) // *Освободительное движение.* Вып. 22. Саратов, 2007.
  - 49 *Мещерский В. П.* Письма... С. 218.
  - 50 Подробнее см.: *Кочукова О. В.* «Либеральные бюрократы» и дворянство в реформе 1861 года: взгляд современника // *Изв. Саратов. ун-та. Сер. История. Международные отношения.* 2007. Т. 7, вып. 1. С. 24–27.
  - 51 См.: *Мещерский В. П.* Воспоминания. М., 2001. С. 260.